

Victor Fulmacht (JAFI)

The Attitude of the Soviet Regime and Soviet Society towards the Jewish Movement (c) (in Russian)

This article was presented as a paper at the International Conference "The Jewish National Movement in the USSR - Awakening and Struggle (1967-1989)" (The Hebrew University of Jerusalem and Beth Hatefusoht, 26-28 December 2007, Tel-Aviv & Jerusalem)

Виктор Фульмахт (c)

Уважаемые дамы и господа

По профессии я не историк, не социолог и не гуманитарий вообще. Я не проводил никаких научных исследований, опросов или архивных изысканий в той области новой истории, о которой собираюсь здесь говорить. То есть, я скорее объект, чем субъект изучения, больше жук, чем энтомолог.

Но моя биография, а я провел в еврейском движении примерно 17 лет, от первых уроков иврита в 1970 году и до репатриации в Израиль в начале 1988 года, а также склонность к попыткам за деревьями разглядеть лес, привели меня к решению поделился с вами некоторыми размышлениями на тему : «Режим и общество по отношению к еврейскому движению».

Многим из вас, наверное, знакомо из школьной физики такое понятие, как «**пробный заряд**». Мы мало что можем узнать о свойствах электрического или магнитного поля, пока не внесем в него такой заряд (электрический или магнитный) и не понаблюдаем за реакцией поля на эту провокацию. Мне кажется позволительным уподобить движение еврейского национального возрождения такому заряду, и воспользовавшись этой метафорой, отметить некоторые черты советского государства и общества, проявившиеся в реакции на еврейское движение.

Я хотел бы прежде всего отметить, что в данном контексте я причисляю к «еврейскому движению» не только тех, кто активно в нем участвовал, но любого, подавшего в ОВИР заявление на выезд в Израиль на ПМЖ.

Одной из главных причин, по которой история Еврейского движения в Советском Союзе во многом превратилась в историю драматического, а часто и трагического противостояния этого движения и советского общества, я считаю **не правовой характер системы управления** под названием «Советская власть».

Слово "правовой" я употребляю здесь не для оценки объема и характера прав и свобод граждан данного государства ,а для характеристики самого метода управления,

т.е. дело здесь не в том, каким образом, демократическим или нет, принимаются управляющие решения, а в том, какую форму они принимают:

гласных законов, обязательных для выполнения, или существенную их часть составляют неформальные и негласные указания, изменяющие или даже фактически отменяющие изданные тем же руководством законы.

Применение одной из этих моделей управления – важная часть политической культуры данного общества

Т.е. по принципу "можно но нельзя".

С одной стороны был создан механизм подачи заявления на выезд на ПМЖ именно в Израиль, сопровождаемый разработанной властями процедурой получения вызова и других необходимых бумаг от советских учреждений, что в любом правовом обществе делало его абсолютно легитимным.

С другой – попытка реально воспользоваться этим механизмом приводила к практически необратимому причислению человека к категории идеологически не лояльных лиц. А по отношению к этим лицам применимы совсем другие правила поведения, как со стороны властей, так и общества в лице организаций и отдельных людей.

Это первое, что продемонстрировал наш «пробный заряд».

Другая черта советской политики, которую выявил этот «пробный заряд» и которую я хочу отметить – это **недостаток стратегического планирования**.

Т.е. не способность трезво оценить ситуацию – власть сама оказалась в плену своих идеологических "штампов".

Первоначальные контуры этого проекта (создание системы выезда евреев на ПМЖ в Израиль) видны из известного документа – докладной записки Громыко и Андропова в ЦК от 10 июня 1968 года, позднее превращенную в секретное решение ЦК:

- главной целью называется достижение пропагандистского эффекта
- выпускать примерно 1500 человек в год,
- не выпускать молодых людей и лиц с высшим образованием.

Таким образом, власти представляют себе этот процесс весьма локальным и легко управляемым

Одного сопоставления этого плана с последующим развитием еврейской эмиграции и той ролью, которую он стал играть в общем контексте советской политики, достаточно, чтоб сделать выводы о слабой способности советского руководства предвидеть результаты своих действий. Власти предполагали, что заинтересованы в выезде будут только пожилые евреи, сохранившие «националистические предрассудки». А молодые и зрелые профессионалы, особенно получившие высшее образование, полностью ассимилировались и прониклись социалистической идеологией интернационализма. Однако мы прекрасно знаем, что ничего подобного не было: даже если бы евреи и хотели забыть о своей национальной принадлежности, им не давали этого сделать.

И проблема здесь отнюдь не только в позиции властей, но и в общественной атмосфере роста и активизации и других, в частности, русского, национальных движений

Так что не следует удивляться тому, что немалое количество именно молодых и образованных людей увидели в репатриации в Израиль естественную форму реализации своего национального самосознания а в эмиграции- возможность избавиться от дискриминации в культурной и профессиональной областях.

В упомянутом документе говорится также о возможности использовать эмиграционный канал для избавления от «неудобных и нежелательных граждан» и для целей шпионажа. Как раз эти пункты советская сторона широко использовала. Достаточно вспомнить ряд критиков режима или даже просто неугодных ему писателей и художников, которым «посоветовали» подать документы на выезд в Израиль, а также известный случай советского шпиона в Израиле Калмановича.

В течение всего периода Советской власти ее официальной позицией по отношению к евреям была **установка на ассимиляцию**. Надо заметить, что к этому также стремились многие евреи, считавшие, что ассимиляция в многонациональном социалистическом обществе - идеальное решение «еврейского вопроса». Но само возникновение еврейского национального государства Израиль и последующее за этим развитие движения еврейского национального возрождения превратило проблему еврейской идентичности в одну из самых актуальных для каждого еврея СССР, хотел он этого или нет.

С одной стороны, многие из нас и наших друзей нашли себя именно в еврейском движении, с другой, не только я слышал многократные упреки, что «из-за таких националистов и сионистов, как ты, я (а нас большинство !), не могут ассимилироваться, делать карьеру» и т.п. Действительно, **движение еврейского национального возрождения сделало эти их мечты о слиянии неосуществимыми.**

Другим важным последствием развития еврейской эмиграции далеко за предназначавшиеся ей начальством рамки было создание и рост целой **пропагандистской индустрии «по борьбе с сионизмом»**. Под прикрытием этой борьбы расцвели радикальные антисемитские группы и деятели, получившие официальное поощрение и трибуну.

Я не думаю, что погромно-нацистский стиль их публикаций, иногда вызывавший протесты даже просоветских кругов на Западе, полностью соответствовал планам руководства, но других "борцов с сионизмом" у них просто не было.

Я не буду здесь останавливаться на широко известных книгах и газетно-журнальных публикациях на эту тему.

Но считаю необходимым упомянуть гораздо **менее известный широкой публике факт**: в течение 70-х – 80-х годов группа русских советских математиков, занимавшая ключевые позиции, создала и успешно применила систему этнической чистки в советской математической науке, которая была в то время одной из лучших в мире.

Эта группа, действовавшая в основном по личной инициативе, добилась практически полного изгнания евреев из советской математики, начиная с первых курсов университетов и кончая защитой кандидатских и докторских диссертаций.

Часть этих гонителей, видимо, хотела избавиться от конкурентов, но главные организаторы действовали из "чисто" идеологическо-антиеврейских побуждений.

Подробности можно узнать из книги профессора Григория Фреймана "It seems I am a Jew" Southern Illinois University press 1980

. Я считаю необходимым здесь публично указать на это грязное пятно на белых одеждах русской интеллигенции.

Еврейское движение не существовало в вакууме. На том же физическом и информационном пространстве жили и развивались другие неформальные группы и движения: демократические, правозащитные, национальные, за свободу художественного творчества. Их многообразное взаимодействие было естественным и неизбежным, его детальное исследование – дело специалистов.

Например – использование общих информационных каналов для обмена информацией с Западом. Так, я проходил свидетелем по делу известной правозащитницы Лины Тумановой, арестованной при попытке передать американским дипломатам документы и послания разных групп. Среди этих бумаг были письма и документы, касающиеся организованной мною пресс-конференции по проблемам отказников.

Или другой пример. В 1987 году я и группа других еврейских активистов, совместно с правозащитниками и диссидентами (Лев Тимофеев, Сергей Ковалев и др.), организовала и активно участвовала в международном семинаре по защите прав человека.

Я считаю себя обязанным хотя бы кратко упомянуть о той роли, которую сыграл своими книгами, концепциями и личным общением в моральном и правовом воспитании многих из нас, выдающийся правозащитник Владимир Янович Альбрехт. Не будучи евреем, стремящимся к эмиграции, этот человек много лет вел свою открытую и опасную работу из чистого идеализма в борьбе за правовое общество и государство, и поплатился за это тяжелейшими преследованиями и тюремным заключением. Я называл его «медведь Балу, обучающий волчат сионийской стаи законам джунглей».

Большинство советских граждан мало, что знали о диссидентах и правозащитниках или о "левых" художниках, кроме стандартных клеветнических статей в советской печати, «разоблачающих» и клеймящих этих врагов народа. А люди, подавшие заявление на выезд в Израиль были почти в каждом учреждении, и наглядно выполняли свою роль «пробного заряда». Это были сослуживцы, знакомые или хотя бы знакомые знакомых, то есть **живые люди, а не пропагандистский миф.**

И эта ситуация мало кого оставляла равнодушным. Я не берусь выводить формулу, выявляющую отношение к евреям или к еврейскому движению того или иного человека или социальной группы. Но присутствовал, конечно, весь возможный спектр:

- страх, как перед прокаженными, желание не знать, не видеть, отдалиться

- зависть к тем, кто может осуществить тайную мечту огромного количества советских граждан – выбраться в свободный мир
- ненависть, как показная, так и искренняя и т.д.
- и, конечно, с наибольшей теплотой и благодарностью вспоминается часто рискованная поддержка и солидарность не только друзей но малознакомых людей , в том числе и не евреев

Ограничусь несколькими примерами ;

Мы с Михаилом Анатольевичем Членовым, с нашими семьями отдыхали летом в Абхазском селе. КГБ провело у нас обыск, и на следующее утро мы превратились в героев всего села, нам выражали сочувствие и поддержку, хотя и не имели никакого понятия, кто мы. Принцип простой – раз у людей неприятности с этой властью, значит – хорошие люди.

Обратный пример. Еврейский активист, отказник и узник Сиона, Александр Холмянский, рассказывает в своей мемуарной книге о таком случае. Во время его заключения в лагере его фамилия была упомянута в телепередаче об антисоветчиках, и группа заключенных собиралась его избить, видимо, по собственной инициативе, к счастью, этого удалось избежать.

В 1973 году, во время Войны Судного Дня, поэт и математик Анатолий Маковский (ныне покойный) написал стихотворение(не опубликовано)

Что делать-война с Израилем,
Убивают хороших людей
В политике я не понимаю
А только про кровь и дым
Своих не люблю евреев
Но там то они правы
Помоги ,боженька, одолеть им
Посланцев ангелов злых

Еще одна формула: **Своих не люблю евреев Но там то они правы**

Еврейское движение на протяжении всего своего существования ставило себе две основные задачи:

- развитие национального самосознания путем просветительской работы в области еврейской истории, религии, традиций и языков
- свободная репатриация в Израиль.

Для разных участников и групп движения относительная важность этих задач иногда была неодинакова, отсюда известная дискуссия между «культурниками» и «политиками». Но, по существу, мы в отличие от движения за демократизацию советской системы никогда не ставили себе действительно политических задач, не

собирались бороться за изменение этой системы. Тем не менее, приходится постоянно говорить о борьбе, «борьба» становится одним из ключевых слов.

Этот же парадокс мы наблюдаем и в других случаях, например в движении за свободу художественного творчества.

В этом явлении проявилась важнейшая черта советской тоталитарной системы: способность превращать в принципе законопослушных граждан в своих противников. И когда этот процесс расширился и затронул даже определенные круги советской правящей номенклатуры, то недовольство системой стало практически общественной нормой. Именно оно послужило главным фактором преобразования общества в гораздо более свободное и открытое..

Я хочу закончить свое выступление стихотворением поэта, математика и одного из первых и лучших знатоков и преподавателей иврита Леонида Иоффе זכרונו לברכה

* * *

Всё вышло правильно
любую холмами
вживаемся в отвагу муравьев
мы сами выбрали
мы выбрали не сами
наш самый свой из не своих домов.

Всё вышло правильно
единственно - будь горд
будь горд служением
не ради, а во имя
чтоб неминуемо
и чтоб непоправимо
всё вышло правильно
разбег и перелет.

Всё вышло правильно
я знаю тот рассказ
когда единственное благо правит в стане
мы сами выбрали
мы выбрали не сами
единственное благо без прикрас